

РЕЦЕНЗИИ

УДК 929(37) + 94(37)“0”

А. С. Козлов

ВРЕМЯ РОМУЛА АВГУСТУЛА

Рец. на кн.: *Murdoch, A. The Last Roman: Romulus Augustulus and the Decline of the West* / Adrian Murdoch. — Stroud : Sutton Publ., 2006. — 190 p.

Создать аналитическое жизнеописание последнего западноримского императора, мальчиком процарствовавшего десять месяцев и смещенного 4 сентября 476 г., невозможно. Неизвестно, когда он родился и умер, где был похоронен. Неизвестно ничего о каких-то сторонах его поведения по каким-либо конкретным поводам как на государственном поприще, так и в частной жизни. Кроме нескольких лапидарных сообщений в нарративе, весьма положительно оценивающих его юный облик, источники ничего не говорят об его внешности. Монетная чеканка, с ним связанная, демонстрирует типичный для этого этапа поздней Античности маловыразительный профиль, практически лишенный личных черт. Все это автор рецензируемого изыскания Эдриэн Мердок прекрасно осознает, что подтверждается не только обзором привлекаемых им источников (практически всех основных, донесших до нас реалии, связанные с Ромулом Августулом) (р. 13–20), но и постановкой проблемы, разбираемой в книге, а также композицией изложения материала.

Постановка проблемы — так, как ее понимает Мердок, — обладает изрядным зарядом публицистичности. С точки зрения автора, «Ромул — человеческий символ, имя, которое используют для обозначения падения Римской империи. Как только его вынудили отречься, Европа стала открыта для того, чтобы радушно принять Средневековье. Ромула восхваляли, его осмеивали, его отправили в отставку, — но невозможно читать его историю без ощущения потери» (р. 6). Более того, тематика книги представлена не просто исторически актуальной. «Когда освещается расчленение государственности Римской империи,

падение Рима ощущаешь как особенно современное явление» (р. 158). Мердок не стесняется указать на то, что, когда он пишет эти строки, западные газеты заполнены попытками переоценки ценностей, в частности вопросами о характере реакции на действия воинственных исламистских групп, именуемых некоторыми «варварами с Востока», что вызывает в памяти у «многих комментаторов» предупреждение Э. Гиббона о возможном «триумфе варварства и суеверия». «Ощущая головокружение от невидимого ужаса, правительства выбирают местечковое, в то же время искренне уверяя в своей приверженности к глобализации» (р. 158). Более того, прямо указывая на превратившуюся в последнее время в банальность тему Соединенных Штатов как аналога поздней Римской империи, Мердок охотно ссылается на М. Бермана, сравнившего удар по Всемирному торговому центру 11 сентября 2001 г. с поражением римлян под Адрианополем (р. 159).

Присутствие в методике Мердока сильного заряда тематической актуализации обуславливает и наличие в рецензируемой работе особой главы, посвященной воплощению образа Ромула Августа и его эпохи в *popular imagination* и в *popular culture*, поскольку, по мысли автора, «это отражает способ, благодаря которому исторические фигуры становятся частью ткани нашей коллективной памяти» (р. 133). Формы реализации в художественной культуре образов «последнего римлянина» и его современников, естественно, весьма пестры — от «Песни о Химльдебранде» до великолепной пьесы Ф. Дюрренматта «Ромул Великий» и голливудского ширпотребя «Последний легион» (2007). Однако достаточно беглого взгляда на перечень такого рода творений, чтобы убедиться в несоответствии их достаточно скромного количества тому жгучему пафосу в отношении актуальности темы, который демонстрирует Мердок. Видимо, для художественно-эстетической мысли Ромул Августул как историческая личность все-таки не столь привлекателен (даже при заостренной политизированности его судьбы). Другое дело, например, Аттила, чей образ, как видно даже из представленного материала, намного привлекательнее.

Заостренная актуализация тематики текста превращает личность Ромула Августа лишь в повод для видения постепенного падения Римской империи в качестве интерактивного феномена, принципы (мотивы) которого способны обнаружиться в любых вневременных глобальных кризисных ситуациях. Отсюда возникает структура текста Мердока. И если в первой главе рассматриваются «ответы» позднеантичной цивилизации на разрушительную функцию варварского фактора от проявлений готской опасности до воцарения Аттилы, то в главе второй преподносится фактология распада Западного Римского государства, в которой события, связанные с воцарением и смещением Ромула Августа, занимают сравнительно скромный объем (р. 69, 73–79). Контекст дальнейшей жизни Ромула (не просто на кампанской Лукулловой вилле, где позже был выстроен Кастель-дель-Ово), раскрываемый в третьей главе, охватывает время правления Одоакра в Италии, и особенно детали сложных взаимоотношений этого правителя с Византией, увенчавшихся появлением у Северных Апеннин войска Теодориха Амала. Соответственно четвертую главу книги (с многозначительным названием «No more Heroes») пронизывает идея опреде-

ленной инерции останков антично-римской цивилизации в условиях господства остготов в Италии, особенно в обстановке правления Теодориха.

В интерпретации общего хода падения Римской империи Мердок следует в основном за современной англоязычной историографией, и прежде всего концепцией и выводами П. Хизера. Сходная методика присуща и отдельным наблюдениям. Например, отслеживание такого важного для эпохи (и в частности судьбы Ромула Августула) сюжета, как роль магистров войск в конкретных изменениях политического климата империи, базируется на результатах изысканий Д. О'Флинна и П. Мак-Джордж. В комментариях к отдельным высказываниям Аполлинария Сидония автор ориентируется на выводы Джил Гаррис, в комментариях на пассажи Галльской хроники 452 г., Идасия и Проспера — на С. Малбергера. Прибегая к данным Кассиодора, Мердок в значительной степени идет в их толковании за Д. О'Доннелом, используя Эннодия — за С. Кеннелом. Все это, однако, не означает вторичности сведений собственно источников в построении текста рецензируемой монографии. Напротив, обращение к материалу хроник, публицистики, эпистолярная и прочих, в основном латиноязычных, оригиналов у Мердока обладает приоритетом.

Английский популяризатор великолепно ориентируется в историографической весомости и глубине анализа источников при конкретных наблюдениях, выполненных названными и другими солидными исследователями. Если речь идет об оценке феномена Стилихона, то, подчеркивая, как это и превалирует в современной историографии, его безусловно позитивное значение для реализации военно-политических задач, стоявших перед Западной империей, автор в то же время пишет о недостаточности потенциала этого магистра войск для оптимального решения таких задач (р. 32). Когда речь идет о целях Алариха (во время пребывания его отрядов на Балканах и во время экспедиции в Италию), то, вслед за Хизером и другими специалистами, автор указывает на приоритетное стремление этого готского короля достичь официальной должности *magister militum* (р. 34). Точно такая же методика видна при оценке поведения Аттилы во время раскрытия заговора против него, заговора, подготовленного определенными группами византийской элиты: вождь гуннов предпочел кровавым репрессиям «укрепление своего психологического доминирования над восточными римлянами» (р. 52). В том же ряду подходов к описываемым реалиям стоит и оценка исторической роли Флавия Рицимера, «варварского генерала и военного диктатора» (р. 57). По Мердоку, он «имел над тем, что осталось от Европы, гораздо большее влияние, чем то, которым обладали его предшественники, Стилихон и Аэций»; в отличие от них, Рицимер ни в малейшей степени не зависел от императоров, «развивал подобную властную базу самостоятельно, так что один из хронистов именуется его королем» (р. 58). Мердок весьма далек от подчеркивания деструктивной роли подобных военачальников: Рицимер, как и другие, уже упомянутые, во многом был движим личными интересами, но власть его подпитывалась исключительно существованием Римской империи (р. 58). Подобные же мотивы двигали Одоакром, свергшим Ромула Августула, но сознательно поставившим себя и Италию в определенную зависимость от византийского императора.

Огромное внимание даже к невыразительным сообщениям источников, имеющих отношение к главному герою темы, искусно влетает Ромула, уже утратившего статус императора, в судьбу Италии и, более того, всего Средиземноморья. Так, не ссылаясь на Э. Гиббона, который первым высказал предположение, что упомянутая в «Житии св. Северина» Варвария — это мать Ромула, Мердок вполне разделяет эту гипотезу, усиленно превращая ее положения в исторический факт. Здесь в аргументацию входит и хорошо известная связь Ореста и Варварии с провинцией Норик и ее элитой, и то обстоятельство, что к середине 80-х гг. V в. Варварии было больше сорока лет, и то, что останки св. Северина, умершего 8 января 482 г., были именно некой Варварией перевезены из Маутерна под Неаполь, именно в *Castellum Lucullanum* (р. 94–95). Полагаю, существенный штрих в последний факт вносит то обстоятельство, что тогда округа Неаполя была территорией, где располагались резиденции и имения весьма знатных фамилий [см.: Moorhead, p. 208–210]. В этом плане весьма симптоматична продолжающаяся до сих пор дискуссия о возможной принадлежности Северина к римской аристократии [см.: Wirth, S. 217–266; Krautschik, S. 348].

Мердок уверен и в том, что краткое письмо Кассиодора, написанное между 507 и 511 гг. от имени короля Теодориха некоему Ромулу, было адресовано как раз Ромулу Августулу (р. 123). То, что письмо доводит до сведения адресата подтверждение префектом претория Либерием, известным сановником времен Теодориха, неких прав собственности, дарованных Ромулу в начале правления этого короля, дает основание предполагать (вслед за Т. Ходжкиным) увеличение содержания бывшего последнего римского императора [см. об этом также: Krautschik, S. 158]. Подобный шаг нового владыки Италии, если письмо Кассиодора толковать именно так, оказывается в русле первоначальной, откровенно «проримской» политики Теодориха.

В рецензируемой книге приводится немало фактов благосклонного и конструктивного отношения короля к наследию позднеантичной цивилизации во всех ее аспектах. Мне, однако, кажется, что начать такой обзор следовало бы многозначительным пассажем из «Гетики» Иордана: «На третий... год по вступлении своем в Италию Теодорих, по решению императора Зинона, снял с себя частное платье и одежду своего племени и принял пышное царское облачение уже как правитель готов и римлян» (Jordan. Get., 285). Известную оппозицию такому суждению составляет сообщение Прокопия Кесарийского: «Он не пожелал принять ни знаков достоинства, ни имени римского императора, но продолжал скромно называться и в дальнейшем именем *rex* (так обычно варвары называют своих начальников); подданными своими он управлял твердо, держа их в подчинении, как это вполне подобает настоящему императору» (Procop. Bell. Goth., I, 1.26). Такого рода достаточно «умеренных» по своему содержанию противопоставлений из сведений источников о социокультурной ситуации в Остготском королевстве можно привести во множестве, и все они, на мой взгляд, рисуют картину гораздо более сложную чем та, что нарисована Мердоком. Английский исследователь полагает, что в начале истории этого королевства имеет место *continuity* с поздней Античностью в политике, обществе и искусстве (р. 114). Отсюда и приветствия-аккламации римской толпы и сенаторов в ад-

рес Теодориха, именованная его Траяном и Валентинианом; отсюда и строительные работы по распоряжению короля в ряде италийских городов: Мердок считает возможным даже говорить об «экономическом буме» (р. 119–120), и многое иное в этом роде.

Перед объяснением причин того, что последние годы правления Теодориха были отмечены «жестокостью, беспорядком и религиозным конфликтом», автор, однако, фактически пасует. Констатации того, что король был уже пожилым человеком и многое обстояло не так, как раньше, в этом случае явно недостаточно (р. 125). Можно согласиться с тем, что основной формой роста напряженности в обществе стал конфликт арианства готы с католицизмом большинства населения Италии. Можно согласиться с тезисом о значительной ориентации италийских католиков на Византию. Но в фиксации глубинных причин перемен Мердок чуть ли не следует идеям «Теодориховой хроники», второй части Анонима Вalezия, и охотно цитирует то место из источника, где объявляется о попадании короля в лапы дьявола.

В связи с описаниями признаков будущего заката готского господства в Италии находится и последнее наблюдение автора за возможной судьбой бывшего последнего императора Западной империи. Мердок не исключает, что упомянутое Фульгением Руспенским в письме к Флавию Теодору (528 г.) получение послания от «святого брата Ромула» может подразумевать того, кого когда-то называли Августулом (р. 124–125). Если это было так, то герой рецензируемой книги действительно мог дожить до весьма преклонных лет, хотя и не дождавшись реставрации римского (византийского) правления в Италии. И в этой связи еще одно замечание. Указание Анонима Вalezия на то, что Ромул в 476 г. был пощажён *et quia pulcher erat*, хотя вроде бы и подразумевает в качестве причины «мягкости» Одоакра, на деле прежде всего коррелируется с указанием Евгиппия на те же качества мятежного военачальника, который, как известно, не хотел портить отношения с сенатом и римским народом. И. Кениг полагает, что в связи с подобным контекстом термин *pulcher* следует читать как «благородный», «знатный» [Konig, S. 102]. Действительно, Иордан, описывая заложничество Теодориха Амала в Византии, использует схожую с Анонимом формулировку: *et quia puerulos elegans erat, meruit gratiam imperialem habere* (Jordan. Get., 271). Другим объяснением «мягкости» Одоакра может служить то, что Ромул был посажен своим отцом Орестом на трон в результате свержения абсолютно легитимного императора Юлия Непота и, следовательно, мог рассматриваться как узурпатор, реставрация власти которого была маловероятна. Юлий Непот в 476 г. был еще жив и пребывал в Далмации, и именно о возможности реставрации его власти мог задумываться византийский император Зенон, когда вел с Одоакром переговоры о судьбах правления Италией.

В заключение можно сказать, что каких-то открытий в описании хода распада Западной Римской империи и судеб Италии при Одоакре и остготах книга Мердока не содержит. Она в большей степени популяризирует эти сюжеты на добротной источниковой и историографической базе. Однако читается этот труд, выполненный прекрасным английским языком, с большим интересом.

König I. Aus der Zeit Theoderichs des Großen. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar einer anonymen Quelle : wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1997.

Krautschik S. Zwei Aspekte des Jahres 476 // *Historia*. 1986. № 35.

Moorhead J. Theoderic in Italy. Oxford, 1992.

Wirth G. Anmerkungen zur Vita des Severin von Noricum // *Quaderni Catanesi*. 1979. T. 1.